

Луций Анней Сенека

Трагедии

**Москва
«Книга по Требованию»**

Л86 **Луций Анней Сенека**
Трагедии / Луций Анней Сенека – М.: Книга по Требованию, 2021. – 448 с.

ISBN 978-5-458-24326-1

Трагедии Сенеки дошли до нас в нескольких рукописях. Наиболее надежной считается рукопись Bibliothecae Laurentianae во Флоренции (Codex Etruscus, XI XII вв.); однако она не содержит «Октавии» и частично исправляется издателями по кодексам другой группы. В основу настоящего перевода положено издание: Seneca's Tragedies with an English translation by Frank J. Miller. Лондон, MCMXVI. Издание это в свою очередь опирается на издание Фридриха Лео (Senecae tragoediae rec. et emend. F. Leo, Berolini, 1879, vol. II), однако смягчает гиперкритические принципы издателя. Переводчик везде, где возможно, возвращался от редакторских исправлений к чтению рукописей, не оговаривая эти случаи в примечаниях. Порядок трагедий соответствует хронологии мифических событий (по поколениям героев). Сохранившаяся в рукописях последовательность неодинакова, явно не отражает времени написания и является случайной. Деление на действия и сцены, отсутствующее в рукописях и для многих трагедий производимое разными издателями по-разному, в переводе отсутствует. Обычную границу актов следует полагать между песнями хора и следующими за ними диалогическими фрагментами. Все трагедии Сенеки, кроме «Октавии», написаны на мифологические сюжеты и насыщены именами и названиями из мира греческой мифологии. Многие из них хорошо знакомы читателю, другие менее известны, третьи (особенно, когда они даны в намеке) с трудом понятны даже для специалиста. Для античного читателя все эти имена складывались в связную картину мифологического мира и за каждым тянулась вереница ассоциаций: Истр (Дунай) упоминался не сам по себе, а как знак крайнего Севера, Кадм не сам по себе, а как олицетворение основанных им Фив, Зодиак не сам по себе, а как символ прочности мироздания и пр. Чтобы ориентироваться в этой картине мира в примечаниях предлагается краткий обзор того фона, на котором читатель должен представлять себе действие трагедий Сенеки.

ISBN 978-5-458-24326-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МЕДЕЯ

Действующие лица:

<i>Медея</i>	<i>Вестник</i>
<i>Кормилица</i>	<i>Сыновья Медеи</i>
<i>Креонт</i>	<i>Хор жителей</i>
<i>Ясон</i>	<i>Коринфа</i>

Действие происходит в Коринфе, перед домом Медеи.

После убийства Пелия, Ясон с супругой и детьми пребывает в изгнании в Коринфе. Когда царь Креонт избирает Ясона в зятья, Медея от мужа получает развод и от царя приказ вновь отправиться в изгнание. Вымолив себе отсрочкою единый день, посылает она Креусе, нареченной Ясона, убор и ожерелье, напитанные колдовскими снадобьями: лишь надела их невеста, как пламенем вспыхнули дары, и, вместе с подоспевшим на помощь родителем, злосчастная сгорела. Затем Медея сыновей, рожденных от Ясона, на глазах отца умерщвляет и по небу улетает.

Медея

Вы, боги брака, ты, рожениц страждущих
Хранящая Луцина, ты, кто Тифия
Ладью учила первую обуздывать,
Пучину покоряя, ты, пучины царь,
И ты, Титан, вселенной день дарующий,
И ты, что светишь молчаливым таинствам,
Трехликая Геката, — вы, чьим пменем
Ясон мне клялся, но и вы, к кому взывать
Мне больше подобает — вечный мрак, Эреб,
Без неба царство, мапы бесплощадные,
Царь скорбных стран с царицею, похищенной
Не для измены, — к вам мольба зловещая!
Ко мне придите вновь, змееволосые
Богини, людям за злодейство мстящие,
Держа в руке кровавый черный факел свой,
Придите столь же грозные, как некогда
Пришли ко мне в ночь брака — и пошлите смерть
Невесте, тестю и потомству царскому.
А жениху молю я участь горшую:

- 20 Пусть будет жив он, пусть везде скитается.
Бездомный, нищий, робкий, опостылевший
Всем, у кого пороги обивает он,
Пусть обо мне тоскует. И — страшнейшая
Мольба: пусть дети вырастут похожими
На мать и на отца. Есть, есть отмщение:
Я родила. Так нужны ль пени тщетные?
Я ль на врагов не кинусь? Вывру факелы
Из рук и свет сорву с небес. О предок мой,
Всевидящий Титан и всеми видимый,
30 Ты гонишь скакунов стезей привычною,
И на восход с полудня не свернул назад?
Дай, дай и мне на отчей колеснице мчать,
Дай в руки мне поводья раскаленные,
Чтоб укрощать упряжку огненосную.
Пускай Коринф, два моря разделяющий,
Сгорит и путь откроет двух морей волнам.
Одно мне остается: понести самой
Пред ними брачный факел и с молитвами
У алтаря заклать животных жертвенных.
40 По внутренностям их пути к отмщению
Ищи, душа, коль ты жива, коль есть в тебе
След прежней силы. Прочь все страхи женские,
Кавказом неприятным укрепи свой дух:
Нечестья все, что Понт и Фазис видели,
Увидит Истм. Неслыханные, дикие
Деянья, и земле и небу страшные,
Вынашивает дух мой: кровь, и смерть, и труп
Разрубленный. — Что вспомнила о малостях —
Девических делах? Боль мучит большая,
50 И грех страшнее подобает матери.
Вооружись же яростью на гибель им!
Пусть твой развод всегда живет в преданиях,
Как брак твой. С мужем как должна расстаться ты?
Как вышла за него. Не медли более,
Злодейкой дом покинь, злодейством созданный.

Х о р

- Пусть на свадьбу царей счастье дарящие
Боги вышних небес, боги пучин придут,
Пусть сберется народ благоговейный!
Пусть, высоко подняв голову, шествует
60 Первым белый телец — жертва Юпитеру.
Телку снега белей неподъяремную
Ты, Луцина, прими. Ты, что удерживать
Можешь властью своей руку кровавую
Марса, мир даровав царствам воинственным,

В чьих не сякнет руках рог изобилия,
Нежным даром тебя, кроткая, мы почтим.
Также ты, что несешь факел законный свой,
Нам благое яви знамение, мрак прогнав,
И сюда поспеши шаткою постуью,
В плетенице из роз вокруг головы хмельной.
Вестник почи и дня, ты в небеса всегда
Слишком поздно, звезда, всходишь для любящих:
Жадно юные ждут жены и матери,
Чтоб скорее блеснул твой серебристый луч.

70

Наша дева затмит красой
Юных внучек Кекроповых
И которых город без стен
На Тайгетских растит хребтах,
Закалая, как юношей,
И кого Аонийский ток
Иль священный поит Алфей.

80

Также, вождь Эсонид, и ты
Ярче блещешь красой, чем сын
Злобных молний, кто тиграми
Колесницу свою запряг,
Чем трепожники движущий
Строгой девы лучницы брат,
Чем кулачный славный боец
С близнецом своим — коншиком.
Пусть всегда, о боги, молю,
Побеждает она всех жен,
Превосходит он всех мужей!

90

Стоит ей в хоровод женский вступить, тотчас
Пред ее красотой меркнет краса подруг.
Так сияние звезд гасит светило дня,
Так скрывается сонм частый Плеяд, когда,
Меж рогов золотых светом заемным весь
Круг заполнив, взойдет Феба в простор небес.

.....
Так в багряном соку тирском меняет цвет
Белоснежная ткань, так на заре пастух,
Окропленный росой, видит рассветный жар.
Ты, что бросил теперь ложе фазийское,
Где привык ты ласкать нехотя, с ужасом
Иступленной жены груди немилые,
Счастлив с лучшею будь из эолийских дев:
Добровольно тебе тесть отдает ее.
Нынче, юноши, пам шутки дозволены:
Пусть на песни в ответ песенки вольные
Раздаются: дано редко язвить господ.

100

110 Ты, лучезарнейший бог, светоносного отпрыск Лиса,
Время настало зажечь сосновый факел смолистый,—
Сам запали нетвердой рукой священное пламя!
Пусть рассыпает толпа фесценнинские крепкие шутки,
Шумную брань,— по невеста идет пусть молча, в потемках,
Если выходит она за нездешнего мужа, беглянка.

Медея

Увы! Коснулись слуха песни брачные.
Не верю, до сих пор беде не верю я!
Лишив меня отца, престола, родины,
Здесь, на чужбине, бросить одинокую
120 Неужто мог Ясон? Меня, злодействами
Огонь и волны для него смилившую?
Иль мнит он: все преступное исчерпано?
Мой исступленный ум в смятенье мечется
От мысли к мысли: где же путь к отмщению?
Когда б имел он брата! А жена? Жену
Убить! — За все, что я терплю, не мало ли?
Коль среди пеласгов знают иль среди варваров
О преступленье, мне досель неведомом,—
Его свершить должна я! Укрепит твой дух
130 Мысль о злодействах прежних: о похищенном
Руне, о спутнике сестры чудовищной,
Мечом разъятом, по морю разбросанном,—
Отцу для погребенья,— и о Пелии
В котле кипящем. Часто убивала я,
Бесчестно проливала кровь — не яростью,
А лишь любовью движима злосчастною!
Но что Ясон мог сделать, коль над ним теперь
Чужая власть? На меч мог грудью броситься —
И должен был! Уймись, обида гневная!
140 Речей не падо злобных. Если можно, пусть
Живет он, мой, как раньше. Если ж нет, то пусть
Живет, Медею помня, сохранив мой дар.
Во всем Креонт виновен: он разбил мой брак
Своей надменной властью, мать лишил детей,
Союз, скрепленный многими залогами,
Разрушил: все, что должен, он заплатит мне
Один. Золою дом его рассыплется,
Увидит вихрь огня и дыма черного
Малея, что дорогой кружной шлет суда.

Кормилица

150 Молю, молчи! Вверяй лишь тайным жалобам
Свою печаль. Кто боль от ран мучительных
Выносит терпеливо, молча, с твердостью,

Тот и воздаст: опасен только скрытый гнев,
В словах излившись, мстить бессильна ненависть.

Медея

Мала та боль, что внемлет вразумлениям
И прячется. Большое не таится зло,
А нападает.

Кормилица

Буйный удержи порыв:
Едва ли и молчанье защитит тебя.

Медея

Гнетет фортуна робких, — храбрый страшен ей.

Кормилица

Похвальна доблесть, лишь когда есть место ей.

160

Медея

О нет! Не может доблесть неуместной быть.

Кормилица

Не чаю, где исход, на что надеяться.

Медея

Кто ничего не чает — не отчается.

Кормилица

Ясон не верен, и Колхида за морем,
Нет больше ни богатства, ни могущества.

Медея

Медея есть! Я стою всех земель и вод,
Огня, железа, и богов, и молний их.

Кормилица

Но страшен царь.

Медея

Отец мой, вспомни, тоже царь.

Кормилица

Войска...

Медея

Не страшны, пусть хоть из земли взойдут.

Кормилица

Погибнешь!

170

Медея

Смерть зову.

Кормилица

Беги!

Медя

Закаялась.

Кормилица

Медя!

Медя

Стану ею.

Кормилица

Дети...

Медя

Вспомни, чьи.

Кормилица

Бежать ты не решилась?

Медя

Отомщу сперва.

Кормилица

Пошлют погоню.

Медя

Задержать сумею их.

Кормилица

Молчи, умерь отвагу! До угроз ли нам?

Приспосабливаться должно к обстоятельствам.

Медя

Фортуна все отнимет — но не мужество.

Чу, дверь скрипит. Кто из дворца выходит там?

Креонт, надменный властью над пеласгами.

Входит *Креонт*.

Креонт

Колхидянка, Эта дочь зловредная,

До сей поры мой город не покинула?

Готовит что-то. Кто коварных рук ее

Не устрашится? Жалость ей неведома!

Скорей железом выжечь язву грозную

Хотел я, но на просьбы зятя поддался.

Что ж, пусть живет. Ее не трону. Только пусть

Уйдет, от страха нас избавив. Вот она, —

Меня словами хочет встретить гневными.

Ой, слуги! Не давайте ей приблизиться,

Молчать заставьте! Пусть она научится
Царю повиноваться.

190

(*Медее*)

Прочь ступай скорей,
Избавь наш край от грозного чудовища.

Медея

За что меня караешь ты изгнанием?

Креонт

Невинная! За что казнят, не ведает!

Медея

Коль ты судья, то выслушай, коль царь — вели.

Креонт

Пусть царь неправ,— его веленье выполнишь.

Медея

Но прочной не бывает власть неправая.

Креонт

Ступай в Колхиду.

Медея

Кто увез, тот пусть вернет.

Креонт

Когда решилось дело, поздно речь держать.

Медея

Несправедливо даже справедливое
Решенье, коль судья сторон не выслушал.

200

Креонт

А ты сама — ты выслушала Пелия?

Но говори,— начнем мы тяжбу славную.

Медея

Как трудно в сердце гнев умерить вспыхнувший,
Как все, кто держит жезл рукой спесивую,
Считают царским долгом до конца идти,
Об этом во дворце своем узнала я.
Хоть я сейчас погребена несчастьями,
Просительница брошенная, жалкая,
Но все ж и я отцом гордилась царственным
И славный род от Солнца происходит мой.
В краю, где вьются Фазиса излучины,
За Поптом Скифским, где вода болотная,
Стекающая в море, влагу опресняет в нем.
Где из-за Фермодонта рать безмужняя,

210

Щитами прикрываясь луновидными,
Грозит полям, — там царства моего отца.
Там я блистала, царской кровью гордая,
Со мною брака домогались юноши,
Каких теперь невесты домогаются.
Фортуна все взяла — дала изгнание.

220

На власть не полагайся! Воле случая
Могущество подвластно. Лишь одно дано
Вершить царям, чего не унесут года:
Несчастливым помогать, приют молящему
Давать надежный. Из Колхиды вывезла
Я лишь одно: красу и славу Греции,
Детей богов, опору всех ахейских царств.
Я их спасла! Орфея вам вернула я,
Чье пенье движет скалы и леса влечет,
Я отдала вам Кастора и Поллукса,
И Бореадов, и Линкея зоркого,
Который видит за морем сокрытое,
И всех минийцев. О вожде вождей молчу:
Ничем вы за него мне не обязаны.
Всех вам дарю я — одного беру себе.

230

Что ж, нападай, в злодействах обвиняй меня, —
Не отпущусь. Но есть на мне одна вина:
Та, что Арго спасла я. Стыд девический,
Отца я предпочла бы, — и пеласгов край
Погиб, вождей лишившись. Пал бы прежде всех
Твой зять, быков вирая огнедышащих.
Пусть мне не даст фортуна тяжбу выиграть, —
В том, что спасла героев, не раскаюсь я,
А тем, что я в награду за вину взяла, —
Владеешь ты. Хоть осуди преступницу,
Но грех верни мне. Признаюсь, опасна я, —
Ты это знал, Креонт, когда, щеки твоей
Касаясь, о защите умоляла я.
Прошу опять: несчастьям дай приют моим,
Из города изгонишь — в царстве где-нибудь
Мне место дай, глухое и безвестное.

240

250

Креонт

Я не из тех, чей жезл силен жестокостью,
Пятаю гордой не толчу униженных;
Тому, я мню, есть ясное свидетельство:
Дочь отдал я за бедного изгнанника,
Который в страхе ждет, что вдруг потребует
Его на казнь Акаст, Иолком правящий,
За то, что был погублен старец немощный —
Его родитель дряхлый — и что кознями

На преступление дочерей толкнула ты, 260
Отца разъявших тело из любви к отцу.
Коль порознь ваши тяжбы будут слушаться,
То обелит себя Ясон: невинною
Он кровью не запятнан и не брал меча —
Лишь издали глядел на ваше сомнение.
Ты, ты одна злодейства все задумала,
Ты сочетаешь с женскою порочною
Мужскую твердость и к молве презрение.
Ступай, мой край очисти, возьми смертельные 270
С собой отравы, всех избавь от ужаса,
В другой земле отныне ищущай богов!

Медя

Велишь уйти? Верни корабль изгнаннице
И спутника верни мне: с ним я прибыла —
И без него должна бежать? Боишься ты
Войны — так вместе изгони нас. Можно ли
Винить нас порознь? Пелий для него убит!
А брошенный отец, а брат растерзанный,
Хищение, бегство (новобрачных этому
Мужья доныне учат) — не мои они. 280
Не для меня все зло, что совершала я.

Креонт

Ступай! Речами время не затягивай!

Медя

Иду, но об одном молю: вина моя
Пусть на детей невинных не падет и впредь.

Креонт

Спеш! Я их в объятья, как отец, приму.

Медя

Я заклинаю счастьем ложа царского,
Грядущими надеждами и прочностью
Престола, прихотям судьбы подвластного, —
Отсрочку дай хоть малую изгнаннице, —
Дозволь — быть может, перед смертью — матери 290
Детей обнять.

Креонт

Для новых козней просишь срок.

Медя

Страшны ли козни, если срок так короток?

Креонт

Для зла злодею долгий срок не надобен.

Медea

Ты и для слез не дашь несчастной времени?

Креонт

Хоть страх привычный просьбам не велит внимать,
На сборы день даю перед изгнанием.

Медea

Довольно с лишком, можешь хоть убавить срок!
Сама спешу!

Креонт

Но головой ответишь мне,
Коль прежде, чем над миром светлый Феб взойдет,
Ты с Истма не уйдешь. Меня же свадебный
Зовет обряд, к молитвам Гименей зовет.

Уходит.

Хор

Слишком дерзостен был, кто первым посмел
На утлой ладье взбродоздить простор,
Кто легким жизнь доверил ветрам,
Кто, в морях проложив ненадежный путь,
Между жизнью провел и гибелью грань —
Слишком тонкую грань из хрупких досок.

Встарь никто не следил за бегом светил
И от звезд, что эфир испещряют ночью,
Пользы не знал. Дожденосных тогда
Гиад не умел избегать корабль
И Оленской Козы опасных лучей
И Повозки в краю студеном небес,
За которой бредет старик—Волопас.
Тогда ни Борей, тогда ни Зефир
Не имели имен.

Но Тифий дерзнул над простором морей
Поднять паруса и новый закон
Указал ветрам: то они должны
Полотна надуть, словно полную грудь,
То, канат отпустив, боковой порыв
Мореходы хотят поймать и крепят
У середины ли мачт, у вершины ли мачт
Перекладыны рей, когда алчность велит
Им любое ловить дуновенье ветров,
И плещется ткань парусов в вышине,
Горя багрецом.

Застали отцы беспорочный век,
Когда козпей и зла не ведал никто.
Каждый праздно жил у своих берегов,